

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

НОВОЕВРОПЕЙСКИЙ АНТИЦИПАТИВНЫЙ ДИСКУРС КАК ОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ СПОСОБОВ ОПИСАНИЯ БУДУЩЕГО

С.А. Сиротинский

NEW EUROPEAN ANTICIPATIVE
DISCOURSE AS FOUNDATION FOR THE
PROBLEMATISATION OF THE FUTURE
DESCRIPTION MEANS

Sirobinskij S.A.

The opportunity to represent future images through the description means is considered in the article. The necessity of correction of socio-linguistic grounds of the social forecasting practice is analyzed.

В статье рассматривается возможность репрезентации образов будущего через призму способов их описания. Анализируется необходимость коррекции социолингвистических оснований практики социального прогнозирования.

Поводом для написания настоящей статьи стала утрата философским сообществом интереса к антиципативной проблематике, что не в последнюю очередь вызвано разочарованием в продуктивности антиципативной рефлексии как таковой. Прежде всего, это обусловлено банкротством новоевропейского антиципативного проекта и неоправдавшимися ожиданиями, связанными с наступлением «светлого будущего». Свою цель мы видим в реконструкции данного проекта с точки зрения способов его описания, что, как представляется, позволит, если не возродить утраченный интерес ко всем разновидностям социальной прогнозистики, то, во всяком случае, стимулировать полезную философскую дискуссию.

Генезис новоевропейской антиципативной мысли мы склонны связывать с философским творчеством Дж. Вико, предположившим естественный характер формирования будущего. Естественность цивилизационного развития стала теоретическим императивом всей последующей интеллектуальной истории. Как подчеркивает Вико, «вещи за пределами своего естественного состояния и не уместны, и не сохраняются надолго» (1). Хотя его философия и сохраняет определенный компромисс с предшествующим теологическим дискурсом, но все же даже упоминаемое им божественное проведение проявляет себя «естественным путем».

Будущее видится Вико как некое социетальное состояние, которое он иденти-

УДК 130,2

фицирует как «гражданское благополучие». Решая вопрос способов достижения этого состояния, философ встречается с дилеммой детерминации будущего. Сталкиваясь с необходимостью выбора между человеческим активизмом и естественной детерминацией, предпочтение он отдает последней. По Вико, общественное развитие детерминировано действием «вечных законов», направляющих социум к более высокой стадиальности. При этом законы истории здесь только внешне напоминают античное «круговращение веков». Скорее речь может идти о воспроизведении только внешних форм, при несомненных сущностных изменениях внутреннего содержания, последовательно сменяющих друг друга эпох.

Не трудно заметить, что понятие гражданского благополучия, вводимое Вико, предельно абстрактно. Более того, человек не может воспринимать его в модусе нормативности. Он обречен на пассивное ожидание появления более совершенных будущих моделей.

По сути дела с Вико начинается формирование антиципативной парадигмы, артикулирующей когнитивную нормативность без директивного предписания конкретных поведенческих моделей. Соответствующая антиципативная рефлексия представляет собой упорядочивание всего массива эмпирических данных и введение их в единый, хотя и ноуменальный, концептуальный контекст. У Монтестье мы читаем: «Миром управляет не фортуна. Доказательством этого служат римляне, дела которых все время кончались благополучно, пока они управлялись по известному плану, но которые стали непрерывно терпеть поражения, когда начали поступать другим образом. Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее, поддерживают или низвергают, все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва, т.е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним сло-

вом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала» (2).

Если географический детерминизм Монтестье формировал будущее «естественным» путем, то по версии И.Г. Гердера общественные перспективы человечества определяются неким внеприродным «невидимым царством сил». Однако ни первый, ни второй подходы не предусматривали никакой эксплицитно-директивной активности социума, чьи действия, если и совершались в унисон логике общецивилизационного развития, то это происходило спонтанно.

Впервые обязательства человечества по отношению к собственному будущему были определены И. Кантом, который возражал как против его интерпретации в модусе чистой спекуляции, так и против прямолинейности натурализма в духе «географического детерминизма» Монтестье. С одной стороны, будущее зависит исключительно от влияния естественных факторов, что исключает всякое внешнее воздействие, а с другой – речь у Канта все же идет о глобальном, предустановленном природой, плане. Что же касается антиципативной праксиологии, то она выражена кантовским требованием перехода от неосознанного участия в реализации сценария цивилизационного развития к его активному и осознанному воплощению. «Попытка философов разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное гражданское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как возможная и даже как содействующая этой цели природы» (3).

Соответственно, нормативной перспективой человечества Кант видит такую модель общества, которая обеспечит развитие всех тех задатков, которые заложены в человека природой. При этом такие традиционные императивы социального конструкта, как свобода и общественный прогресс, выполняют у Канта сугубо инструментальные функции.

Кантовские антиципативные интуиции были конкретизированы И. Фихте, отмечавшим, также как и его учитель, необходимость изучения будущего. Впрочем, для

Фихте призыв к абстрактному познанию человеческих задатков вообще, представлялся однозначно недостаточным. Социально-антиципативная рефлексия призвана установить «на какой определенной ступени культуры в определенное время находится то общество, членом которого мы являемся, на какую определенную высоту оно отсюда может подняться и какими средствами оно для этого должно воспользоваться» (4).

Будущностная самоидентификация общества представляет собой априорное знание логики всемирной истории, состоящей из сменяющих друг друга пяти мировых эпох. В основе рассуждений Фихте лежат кантианские представления о возможности постижения будущего без обращения к реалиям конкретно-исторической эмпирии. Он утверждает: «Без всякой исторической эрудиции мыслитель может знать, что эти эпохи должны следовать одна за другой в описанном порядке и действительно в состоянии дать общую характеристику даже тех эпох, которые еще фактически не наступили» (5). Апостериорную часть исторического континуума не может нарушить даже вторжение того, что не относится к константе будущего, что «представляет непонятное в нем». Образ будущего, рисуемый Фихте, отличается принципиально новым качеством, проявляющееся в разумном устройстве общественной жизни: «...цель земной жизни человечества заключается в том, чтобы установить в этой жизни все свои отношения свободно и сообразно с разумом» (6).

Тенденция идеализации будущего не просто нашла свое отражение, но и достигла собственного апогея, в гегелевско-марксистских концептуализациях. Как Гегель, так и Маркс, оценивали исторический континуум как инструмент достижения социального идеала на каком-то определенном отрезке будущего. В самом общем смысле позиции этих мыслителей не содержат в себе ничего такого, что как-то выбивалось бы из традиционного контекста новоевропейского социально-философского дискурса. В частности, о включенности в этот контекст Гегеля, прямо заявляет Р. Дж. Коллингвуд, отметивший, что «когда познакомишься с тру-

дами его предшественников, книга Гегеля (Лекции по философии истории – прим. автора) кажется значительно менее впечатляющей и менее оригинальной» (7).

Тем не менее, гегельянская картина будущего, так же как и марксистская антиципация, не является полностью априорной конструкцией. Скорее она результируется философско-исторической рефлексией, особым образом осмысляющей конкретику социальной эмпирии. По сути дела, гегелевское будущее уже присутствует в настоящем как закономерный итог развития прошлого. Антиципация здесь имеет четко выраженное персоналистское измерение и выражается во внутренней свободе личности, включенной в сообщество таких же свободных личностей.

Следует отметить двойственную направленность антиципативной идеи в гегельянстве. С одной стороны, она является логическим завершением и радикализацией новоевропейских прогрессистских интенций, объявивших настоящее воплощенной будущностностью, а с другой, в рамках все тех же интенций, продолжает осуществлять локализацию нормативного общественного устройства в неопределенной временной перспективе. Первая ветвь гегельянской антиципации получила свое воплощение, например, в социальных воззрениях О. Конта, по сути дела, подведшего черту под всемирной историей человечества. По Конту, «рациональная координация основного ряда разных событий, соответствующих единому замыслу» (8), уже привела к повсеместному торжеству позитивного разума. Как и у Гегеля, у Конта объективированный антиципативный идеал обнаруживает, прежде всего, свое внутреннее измерение, выраженное в специфической форме мышления, во многом определяющей характер социальной эмпирии.

Вторая ветвь гегельянской антиципативной традиции представлена марксизмом. Если Конт настаивал на преимущественной статичности воплощенного будущего, то Маркс подчеркивал приоритетность другого контовского понятия – динамики. Именно динамизм истории, по замыслу Маркса, из недифференцированного состояния перво-

бытного общества, через диалектику антагонизма, призван привести человечество к коммунистической формации.

Впрочем, общим и в позитивизме, и в марксизме выступает закономерная неизбежность будущего. В первом оно детерминировано инвариантностью человеческой природы, на которой не сказываются различия рас, условий среды обитания и прочие отличительные особенности, отступающие перед тем общим, что объединяет все народы без исключения. Во втором – историческими законами.

Генетическая принадлежность марксистской антиципации гегельянству подтверждается тем, что первая почти буквально воспроизводит панлогизм Гегеля. Впрочем, здесь необходимо сделать уточнение. Так, если гегелевская мысль, помещая будущее в настоящее, оказывается менее уязвимой с точки зрения сохранения приверженности актуальным эмпирическим коррелятам, то марксизм, берущийся предсказывать будущее, может быть заподозрен в утопизме. В целом, сверхмерная марксизма нацеленность в будущее заметно контрастирует с известным пренебрежением к прошлому и настоящему, воспринимаемыми не иначе как «предыстория человеческого общества» (9).

Однако правомерная критика марксизма, отнюдь не может умалить экзистенциальные смыслы, заложенные в его философии будущего. Последняя смогла создать, наделенный атрибутом нормативности, гуманистический идеал неантагонистического общества, где эмансипированная личность достигает собственного совершенства. Посткапиталистическое общество представляет собой не просто очередной социальный тип, но окончание поиска человечеством самого себя. Философия при этом выполняет темпорально–ориентирующую роль, выявляющую вектор цивилизационного развития.

Соответственно любая форма антиципативно окрашенной дескрипции должна исходить из того непреложного факта, что общественное бытие не может быть редуцировано к актуально реализуемым социальным практикам, имеющим конкретную про-

странственно-временную локализацию «здесь и сейчас». Субъекты данных практик ориентированы на движение по определенной антиципативной траектории, выходящей за границы эмпирического мира. Сами социальные системы, в свою очередь, существуют в качестве континуума социальных практик ориентированных в будущее.

Если как таковая проблема способов самоописания общества безмерно сложна, то поиск адекватных подходов к экспликации социальных перспектив представляет собой не меньшую сложность. В самом общем виде можно сказать, что необходимые эксплицитные процедуры сводятся к идентификации будущей социетальности. Антиципативные концептуализации отираются на три модуса темпоральности, включающих компаративистику прошлого, настоящего и будущего. Вообще, язык, посредством которого описывается будущее – это язык, базирующийся в первую очередь на сравнениях.

Актуальное состояние социума позиционируется как приближение или отход от некоей нормативности, при одновременной артикуляции «инаковости» будущего. Думается, что речь можно вести и об определенной лингвистической конвергенции, когда концепты интерсоциетальных систем интегрируются в глобалистский дискурс.

Эмансипация от социальной эмпирии диктует для антиципативных конструкторов необходимость актуализации их символических и архетипических составляющих. В первую очередь, это касается нормативистской антиципативной рефлексии, стремящейся продемонстрировать возможности объективации в будущем определенной ценностной системы или апеллирующей к архетипам общественного сознания. Антиципативный дискурс в этом случае конституируется как бинарная оппозиция актуального и потенциального, сущего и должного. Реификации противопоставляется социальный мир, обнаруживающий в себе антиципативное измерение, включающее три лексических компонента: описание настоящего, образ будущего и креативный праксис. Каждый из компонентов опирается на собствен-

ный вокабуляр, со своей эмоциональной окраской и артикуляцией.

Обращение к истории антиципативной мысли обнаруживает изменение в ней «лексического баланса» в пользу сциентизации прогностического дискурса. «Тип прогнозирования, сформировавшийся в период Нового времени (научное предвидение), отличается от пророчества как способа предсказания будущего. Роль пророка как транслятора божественной воли в секуляризованном западном обществе постепенно приобрела рациональный и нейтральный смысл. На смену пророчеству пришел прогноз, научно (рационально) обоснованное предсказание погоды, состояния финансов, общественного мнения или поведения электората. Подобное предсказание не требует дополнительных толкований, лишено множественности смыслов и его воздействие связано лишь с убедительностью интерпретации причинно-следственных связей или степенью достоверности предшествующих прогнозов, исходящих из того же источника» (10).

Характеристика будущего в новейшей европейской парадигме раскрывалась через понятия дуализма, конфликта, иерархии (от простого к сложному), вытеснения, реакции и развития. Объективная потребность общества в надежном прогнозе, обусловленная сложностью и динамизмом социального развития, искусственно стимулируется нормативистской или алармистской риторикой. В первую очередь это относится к различным модификациям авторитарных и тоталитарных режимов, отдающих преимущество будущему перед настоящим.

Наступление эпохи постмодерна связано с отказом индивидуального и общественного сознания видеть в будущем детерминанту прошлого. Следствием этого стало отклонение футурологическим дискурсом понятийно-категориального аппарата историцизма. Общественные перспективы больше не результировались детерминистской прогрессирующей линейностью. Исторически окрашенные понятия, такие как «закономерность», «необходимость» и т.п., выступавшие монополистами эпохи прогресса, замещаются психологическими тер-

минами, в числе которых «выбор», «сценарий», «полипостасность». Социальный актор, как представляется, произвольно разрабатывает и реализует сценарий цивилизационного развития. «Изменению отношения к прогнозам прогрессистского типа, - пишет Ю. Лотман, - способствовал и накопленный опыт, который свидетельствовал, что прогнозирование будущего в его кардинально взрывных моментах демонстрирует невозможность однозначного предвидения резких поворотов истории» (11).

Впрочем, вокабуляр современной прогностики не лишен и определенных архаизмов. Продолжает сохраняться директивно-прогрессистская и даже эсхатологически-утопическая терминология. Примером последней может стать декларация «конца истории», провозглашенная Ф. Фукуямой после распада социалистического блока. (Fukuyama, 1992). При этом речь идет не просто об окончании истории в смысле прекращения какой-либо эпохальной событийности, а об апокалиптическом «конце времен». Общество, достигнувшее своей окончательной формы, исчерпывает себя в собственном целеполагании.

Методологический и лингвистический анархизм в современной антиципации репрезентирует будущее как игру слов и произвольную импровизацию. Отказ от конвенциональности, от любых предписаний, манипуляция понятиями и интеллектуальный волюнтаризм, имплицитно предполагают эпистемологическую капитуляцию мыслителя, его признание ноуменальности будущего.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости определенной коррекции не только исследовательских стратегий социальной прогностики, но и ревизии операциональных понятий, что потребует разработки целостной системы эксплицитных процедур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вико Дж. *Основание новой науки о всеобщей природе наций*. - М. - Киев, 1994. - С. 75.
2. Цит. по: Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. - М., 1993. - С. 34.

3. *Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. в 8 т. – М., 1994. – Т.8. – С. 47-48.*
4. *Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И. Г. Соч. в 2 т. – М., 1993. – Т.2. – С. 45.*
5. *Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Соч. в 2 т. – М., 1993. – Т.2. – С. 499.*
6. *Там же. – С. 366.*
7. *Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. – М., 1980. – С. 210.*
8. *Цит. по: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М., 1993. – С.104.*
9. *Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 13. – С. 8.*
10. *Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. – М., 1997. – С. 324*
11. *Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992. – С. 33-34.*

Об авторе

Сиротинский Сергей Александрович, соискатель кафедры философии и культурологии СКСи.